

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Симоновой Марины Владимировны

«Образ крестьянских вождей XVII-XVIII веков в отечественной историографии: опыт сравнительного анализа», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Диссертация Марины Владимировны Симоновой выполнена на актуальную для современной историографии тему. За последние несколько десятилетий вследствие, так называемой, историографической революции произошел антропологический поворот в исторической науке. В результате, человек во всем многообразии его жизненных проявлений из глубины исторической «гримерки» уверенно вышел на авансцену «театра» истории. Данное обстоятельство побуждает исследователей все чаще ставить вопрос о необходимости создания полноценной биографической истории, которая должна не только освещать вехи жизненного пути своего героя, но и раскрывать взаимодействие и взаимозависимость человека и эпохи. Предполагается анализ внутреннего мира, побудительных мотивов и жизненных целей, воссоздание логики (или алогичности) мыслей и чувств индивида, поступки которого были социально значимы, оставили след в истории. Именно к подобной категории значимых исторических персонажей относятся вожаки народных движений в России XVII–XVIII вв. (И.И. Болотников, С.Т. Разин, К.А. Булавин, И.Ф. Некрасов, Е.И. Пугачев).

В такой постановке вопроса проблематика диссертации М.В. Симоновой органично вписывается в современные тенденции развития отечественной историографии. Причем, представленная к защите работа заслуживает внимания в двух аспектах. Во-первых, как самостоятельная ценность, позволяющая в рамках российской исторической науки выявить широкий спектр и эволюцию взглядов историков на вождей повстанческих движений. Во-вторых, как отправная точка историографического отсчета для многочисленных последующих биографических сочинений о жизни и судьбе названных исторических персон.

М.В. Симонова подвергла справедливой критике обезличенность предшествующей историографии, подчеркнув, что за истекшее время «накопился огромный массив литературы» по изучению народных движений и «значительно менее масштабный блок литературы о жизни их предводителей». По словам соискательницы, за редчайшим исключением до сих пор не было предпринято попыток «обобщения имеющихся в исторической литературе результатов исследования личностей крестьянских вождей» XVII–XVIII вв. Между тем, подобные историографические работы необходимы и, безусловно, могли бы «способствовать дальнейшему изучению социальных движений в России» (С. 4).

В содержательном плане достаточно грамотно и без затей сформулированы цель и задачи, предмет и объект диссертационного сочинения. Вполне внятно обозначены методологические приоритеты – «формационный подход к объяснению истории». С ним связана соответствующая научная терминология диссертации («крестьянские вожди», «крестьянские войны» и т.п.) и гносеологический ракурс «объяснения» сквозь призму социально-политической ангажированности взглядов различных поколений историков. Впрочем, автор не встает на позиции воинствующего материализма, но дополняет «формационный подход» «категорией цивилизационной парадигмы» в совокупности с основными принципами и методами исторического познания (С. 16–17). Все это вооружает соискателя не очевидным в современной историографической ситуации, но результативным исследовательским инструментарием.

Соискательница определенно знакома со значительным кругом специальной научной литературы, что позволяет ей обозначить собственные место и вклад в изучение темы. Автору диссертации можно, конечно, попенять за умолчание о некоторых историках, писавших о тех же самых вождях (А.И. Андрущенко, А.С. Мыльников, Н.И. Никитин, А.Н. Сахаров и др.), или за отсутствие внимания к другим работам названных ею исследователей (В.И. Буганов, Н.И. Костомаров, В.В. Мавродин, Н.А. Мининков, Р.В. Овчинников, С.Ф. Платонов, Е.И. Подъяпольская, А.П. Пронштейн, Д.В. Сень, В.М. Соловьев, Е.Н. Трефилов, О.Г. Усенко и др.). Но такого рода пробелы в большей или меньшей степени

выглядят неизбежными в неисчерпаемом историографическом потоке. С этой точки зрения позиция любого автора всегда остается уязвимой, тем более начинающего ученого, делающего только первые шаги на научном поприще. Достоинство диссертации не в том, что соискательница прочитала абсолютно все, написанное о народных движениях и их вожаках (возможно ли такое в принципе?), а в попытке самостоятельного осмысления и решения заявленной исследовательской проблематики, прежде всего, на уровне, так сказать, «главных фигурантов».

Импонирует, что М.В. Симонова для «выявления особенностей субъективных оценок крестьянских вождей» сочла необходимым тщательно изучить «блок биографических работ об исследователях, их жизненном пути и творческой деятельности», обратив специальное внимание на теоретико-методологические принципы, «которые применяли историки» (С. 17).

Несомненным плюсом диссертации следует считать то обстоятельство, что автор не ограничивается анализом сугубо научных работ о народных вожаках, но активно привлекает фольклорный материал, художественные произведения а, в некоторых случаях, иные формы визуализации и мемориализации повстанческих предводителей. Сознательно и оправданно выходя за рамки собственно историографических сюжетов, М.В. Симонова обращается здесь к архиважной проблеме исторического сознания, исторической памяти, исторической мысли. Это очень значимый познавательный момент, ибо не бывает историков, которые «добру и злу внимают равнодушно». Их позиция всегда является социально активной, в значительной степени обусловливается ментальностью того общества, которое их взрастило и сформировало, а потому господствующие в обществе исторические идеи и представления становятся частью их собственного «Я», влияя на характер научного творчества.

Вполне адекватна и логически последовательна структура диссертации, основная часть которой состоит из трех глав, соответствующих общепринятой периодизации развития отечественной исторической науки: «Дореволюционная историография», «Советская историография» и «Современная историография о

вождях крестьянских восстаний XVII–XVIII вв.». Каждая глава дополнительно делится на одинаковое количество параграфов о личностях конкретных народных вожаков. Несколько непривычно выглядят хронологические рамки каждого из названных периодов. В диссертации нет объяснений, почему дореволюционная историография должна заканчиваться XIX веком, а советская – охватывать полностью XX столетие (С. 4). Кроме того, в диссертации имеется ряд важных, с точки зрения автора, приложений: схема социально-утопических легенд о возвращающихся царях/царевичах-избавителях, несколько портретных изображений С.Т. Разина и песни о нем же.

В первой главе анализируются взгляды на вождей народных движений таких крупнейших дореволюционных историков («классиков», по выражению М.В. Симоновой), как Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, С.Ф. Платонов, С.М. Соловьев. Кроме того, в соответствующих параграфах соискательница обращается к рассмотрению «специальных трудов» В.В. Броневского, А.И. Дмитриева-Мамонова, И.И. Дмитриенко, Н.Ф. Дубровина, П.П. Короленко, А.Н. Попова, А.С. Пушкина, А.И. Ригельмана, Н.Н. Фирсова, а также Ф.И. Соймонова, А.П. Сумарокова, П.П. Ламбина, Ф.Д. Крюкова, Е.П. Савельева и некоторых других. Наиболее скупо представлена историография по личности И.Ф. Некрасова, что связано не столько с упущениями диссертантки, сколько с недостатком внимания дореволюционных ученых к этой незаурядной фигуре. На рассмотренных примерах она приходит к выводу, что взгляды ведущих историков того времени носили апологетический по отношению к самодержавной власти характер. Поэтому направленные против существующей власти протестные движения и их лидеры оценивались, могли и должны были оцениваться по преимуществу отрицательно. Исключения из этого правила, разумеется, имелись, но не они создавали доминирующий историографический фон эпохи.

Во второй главе М.В. Симонова обращается к представлениям и оценкам советских историков, занимавшихся изучением народных движений и биографий их предводителей. Подчеркивая произошедшие перемены в понимании прошлого,

диссертантка отмечает значительный вклад в изучение личности и деятельности народных вождей таких исследователей, как В.И. Буганов, А.А. Зимин, В.И. Корецкий, В.И. Лебедев, Ю.А. Лимонов, В.В. Мавродин, Р.В. Овчинников, Е.П. Подъяпольская, М.Н. Покровский, Р.Г. Скрынников, И.И. Смирнов, В.М. Соловьев, Ф.В. Тумилевич, Е.В. Чистякова и многих других профессиональных историков и авторов научно-популярных сочинений. При этом за пределами историографического внимания, к сожалению, остались имена некоторых других историков, так называемых, крестьянских войн в России: Д.П. Маковский, А.Н. Сахаров, Н.С. Чаев, И.С. Шепелев и др. Часть из них, впрочем, упоминается во введении к диссертации, например, известный историк разинского восстания И.В. Степанов, чью монографию соискательница оценила очень высоко. Сущность позиции М.В. Симоновой сводится к выводу, что в силу «идеологических установок» в советской историографии сформировался обобщенный образ «крестьянского вождя». Отныне они изображались борцами «за права угнетенных и всех нуждающихся в защите». Никаких альтернативных точек зрения на их личность и дела не допускалось (С. 104–105).

В третьей главе рассматриваются взгляды современных (постсоветских) исследователей о лидерах крупнейших выступлений народных масс в России XVII-XVIII вв. К таковым автор справедливо отнесла историков В.Я. Мауля, Н.А. Мининкова, Л.Е. Морозову, Д.В. Сеня, Е.Н. Трефилова, О.Г. Усенко, Л.А. Черную, А.Г. Шкварова и др. Изучаются также взгляды ученых, творческая активность которых пришлась еще на советский период, но продолживших плодотворные изыскания в современных условиях – С.М. Каштанов, А.М. Панченко, Р.Г. Скрынников и др. Напрасно М.В. Симонова в рамках постсоветской историографии еще раз возвращается к видным советским историкам В.И. Корецкому (ум. в 1985 г.) и А.Л. Станиславскому (ум. в 1990 г.). Выход в 2003 г. нового издания монографии К.В. Чистова (первое издание – 1967 г.) едва ли может служить основанием для причисления автора этой необычайно интересной книги к разряду постсоветских историков. Кроме того, в третьей главе упоминаются и рассматриваются научно-популярные издания,

работы в жанре фолк-истори и т.д. Историографический анализ позволил М.В. Симоновой отметить важные особенности постсоветского «ремесла историка» – «гносеологический плюрализм», «множество направлений» и подходов к изучению героев былых времен, освобождение от «идеологических шор советского периода», изучение «психологии толпы» и народных представлений XVII-XVIII вв., наличие, как она пишет, «достойных современных историков, стремящихся к объективному изучению крестьянских восстаний и их вождей» (С. 142, 145, 146).

Итоговые выводы, к которым приходит автор диссертации, в принципе верны, хотя изложены в несколько схематичной, упрощенной и прямолинейной манере. Можно согласиться с утверждением, что изучаемая тема всегда была излишне политизированной (С. 150), что для более полноценной и точной характеристики повстанческих вождей в идеале неплохо бы иметь «числом поболее» источников, специально освещающих их биографии и личностные достоинства/недостатки. Стоит также поддержать мнение М.В. Симоновой, что «постепенное накопление информации и совершенствование методов исследования способствуют более четкому представлению о портретах крестьянских вождей». В то же время некоторые нарисованные перспективы выглядят слегка утопичными и наивными. Таковыми, например, можно считать призывы «отойти от идеологической интерпретации сюжета» и дать ему «более-менее объективную оценку» (С. 151-152). В свое время Б.Г. Могильницкий недвусмысленно показал, что подобного рода призывы к деидеологизации нашей науки, по сути дела, сами являются разновидностью идеологии.

Все сказанное выше дает основание говорить о достоверности, новизне и обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, а также о личном вкладе соискательницы в разработку данной научной проблемы.

Однако как любое творческое научно-квалификационное исследование диссертация вызывает желание по дискутировать с автором по принципиальным и частным вопросам, высказав при этом некоторые замечания.

С учетом того значения, которое в диссертации уделено репрезентации образов народных вождей в исторической беллетристике, М.В. Симоновой следовало остановиться на вопросе о специфике художественной литературы как исторического (историографического) источника. К тому же, привлечение ею художественных текстов не всегда оказывается последовательным. В случаях с одними вожаками они рассматриваются широко, в других – даже не упоминаются, хотя исторические романы написаны о каждом из повстанческих предводителей.

К недоразумениям следует отнести мысль соискательницы, что историк Р.Г. Скрынников оспаривал суждения В.И. Корецкого о социальной принадлежности И.И. Болотникова к землевладельческим кругам, будто бы на том основании, что не нашел в источниках «никаких сведений о пожаловании поместий [кому?] Болотниковым» (С. 60-61). Однако в монографии Р.Г. Скрынникова речь совсем о другом: в путивльский период восстания сам Болотников никого не жаловал поместьями, ибо это считалось прерогативой царя, но не о том, что самого Болотникова никто не жаловал поместьями.

Едва ли можно согласиться, что особенностью именно восстания И.И. Болотникова «является то, что в состав его участников входили разные социальные группы» (С. 5). Очевидно же, что социально разношерстным было любое повстанческое войско в России XVII–XVIII вв.

Много места в соответствующем разделе М.В. Симонова уделяет оценке взглядов историка Ю.А. Лимонова на пугачевское восстание и личность его лидера (С. 88–92). Опирается она при этом на два коллективных труда с его участием (Ю.А. Лимонов, В.В. Мавродин, В.М. Панях), что, видимо, вводит ее в заблуждение, ибо в них разделы о Е.И. Пугачеве написаны не Ю.А. Лимоновым, а В.В. Мавродиным. Диссертантка также ошибается, приписывая мне мнение, будто основным качеством Е.И. Пугачева в переходный период я считаю его стремление получить наживу (С. 151). Но нигде, ни о какой наживе в качестве достижения Е.И. Пугачевым своих целей я не пишу. Можно оспорить и другое категоричное суждение автора диссертации об образах С.Т. Разина и Е.И. Пугачева, подвергнутых советской наукой, как она пишет, «стилизации».

В результате этого, дескать, оба великих бунтовщика «стали изображаться историками как народные герои и защитники интересов простого крестьянства, хотя по сути таковыми они не являлись» (С. 67). Хотелось бы поинтересоваться, а почему, собственно, не являлись? Откуда такая уверенность? По крайней мере, сам народ на протяжении веков именно таковыми их всегда признавал, о чем при анализе разинского и пугачевского фольклора неоднократно сообщалось читателям диссертации.

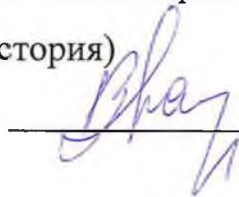
Имеются в работе М.В. Симоновой и откровенно курьезные ляпы, которые, видимо, следует списать на невнимательность диссертантки. В частности, она пишет, что И.И. Болотников «прославился как «"большой воевода" царя Дмитрия». И в скобках уточняет - (Лжедмитрий I) (С. 5), что совершенно не соответствует действительности, т.к. И.И. Болотников выступал под знаменами Лжедмитрия II. К категории подобных же казусов относится заявление, что после 1917 г. «станция, где родился Пугачев, снова была переименована в Пугачевскую» (С. 14). Но его родина Зимовейская станция никогда ранее не называлась Пугачевской. Характеризуя «позитивные оценки личности и способностей Пугачева», диссертантка допускает неряшливую ошибку в фамилии известного дореволюционного историка Василия Ивановича Семевского. В диссертации – В.И. Семеновский (С. 14). Отмечая заслуги историка Р.В. Овчинникова в изучении пугачевского восстания, М.В. Симонова рекомендует его как «нынешнего сотрудника Института истории РАН» (С. 92). Но Р.В. Овчинников, увы, умер уже 10 лет тому назад. Оценивая мой скромный вклад в изучение пугачевского бунта, соискательница ссылается на высказанное мною же предположение, что кумиром детства Е.И. Пугачева мог быть его земляк С.Т. Разин, «так как они происходили из одной станицы», но почему-то утверждает, что она называлась Трехизбянской (С. 129). Правильно – Зимовейская.

Отмеченные и иные недочеты, равно как и спорные моменты не меняют в целом положительного впечатления от диссертации. Текст автореферата и статьи в журналах, рекомендованных ВАК, отражают содержание диссертации.

Диссертация Симоновой Марины Владимировны «Образ крестьянских вождей XVII–XVIII веков в отечественной историографии: опыт сравнительного анализа» соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Официальный оппонент -

профессор кафедры гуманитарно-экономических и естественнонаучных дисциплин филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский индустриальный университет» в г. Нижневартовске, доцент, доктор исторических наук (07.00.02 – Отечественная история)

Мауль Виктор Яковлевич

30.11.2017

Сведения об организации:

625000, г. Тюмень, ул. Володарского 38;

(3452) 28-36-70; general@tyuiu.ru;

www.tyuiu.ru

Сведения о филиале:

628616, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 2/П, стр. 9;

(3466) 49-10-89; priemcom@nv-net.ru;

www.tyuiu.ru/branches/nizhnevartovsk

Подпись В.Я. Мауля заверяю
Ученый секретарь ученого совета
филиала ТИУ в г. Нижневартовске

О.Н. Дроконова